

Неуловимый Чехов

Патока И., Рожкова Т.

Рассматривая фотографии и портреты Антона Павловича Чехова от юношества до последних лет жизни, можно воочию убедиться как правы были современники, отметившие, что у него «каждый год менялось лицо». Простодушное, с налетом мечтательства и провинции в молодости, несмотря на несомненную интеллигентность, оно стало тонким, одухотворенным в конце жизни.

Неизменной оставалась только мягкая улыбка: скажет, широко улыбнется и опять замолчит. Ни фотографам (исключая, как считал сам Чехов, фотоснимок, сделанный в Москве Ф. Опитцем в мае 1901 года), ни живописи не дано было передать то, что скрывалось за благообразной внешностью. Ни перед кем не раскрывавшийся, он был любезен, иногда даже ласков, но всегда держал между собой и людьми определенную дистанцию.

Гений портрета И.Е. Репин по первому впечатлению (1887 г.) очень точно определил сущность души Чехова: «Тонкий, неуловимый, чисто русский анализ преобладал в его глазах над всем выражением лица. Враг сантиментов... он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольчугу мужества. Мне он казался несокрушимым силачом по складу тела и души».

К сожалению, великий портретист сделал только один набросок с Чехова в 1889 году в Собрании литературного общества Петербурга (хранится в отделе рукописей петербургского Института русской литературы Академии наук). Остается непонятным, почему восторженно отзывавшийся о Чехове и его произведениях Репин, создавший для Третьяковской галереи десятки портретов лучших сынов нации, не пригласил позировать писателя даже тогда, когда сам владелец галереи П.М. Третьяков захотел иметь у себя чеховский портрет его кисти. А ведь именно Репину Чехов готов был «позировать сколько угодно, побросав все свои дела». Не воссоздал он на полотне облик писателя по фотографии и после его смерти, хотя известно, что художник не всегда писал с натуры. Таковы его портреты Глинки, Листа, Щепкина.

Портрет был заказан Третьяковым ученику Репина И.Э. Бразу, премианту Московского общества любителей художников. Первый портрет не получился, чем был очень огорчен живописец. «Не зазвучал» и другой портрет при повторном позировании. Чехов называл его «ужаснейшим», «поганым», «неинтересным», «где что-то есть в нем мое и нет чего-то моего», однако Третьяков купил его и поместил в свою галерею (1898 г.).

Не удался портрет писателя и В.А. Серову. Из-за непрерывного изменения лица Чехова, неуловимости его черт Серову пришлось временно отказаться от написания большого портрета. Но «что-то необъяснимо нежное, что было в нем» не отражалось и в рисунке. Неоконченный этюд, датированный 1902 годом, был лишь попыткой «нащупать» образ человека, гораздо более сложного, чем большинство, с которым приходилось сталкиваться Серову. Хранится он в Доме-музее Чехова в Москве. Там же находится портрет Чехова, выполненный учеником Серова художником Н.П. Ульяновым.

Работу с натуры оборвала болезнь, а затем и смерть писателя. Но Ульянов, которого все время волновал ускользающий духовный облик писателя, все же дописал портрет, используя переданную ему акварель Серова. Она послужила ему большим подспорьем в работе. Выполнил свой долг перед памятью Чехова и живописец П.А. Нилус. Весной 1902 года писателю удалось выкроить время для позирования, но приезд в Ялту больной О. Л. Книппер

прервал работу. Заканчивался портрет с использованием набросков и фотографий. Он экспонируется в московском Доме-музее Чехова.

Затерялся оригинал карандашного портрета, выполненный художником Н.З. Пановым в 1903 году. Чехов получился грустным и усталым, но пожелал оставить все как есть: «Первое впечатление всегда вернее». «Писать его было очень трудно. Глаза писателя то теплели, то с начинающимся кашлем уходили вдаль. И было очень больно глядеть в эти серьезные печальные глаза, уходящие дальше человеческих наблюдений» (Н.З. Панов).

Рисовала Чехова и художница А.А. Хотяинцева. Но в основном это были шуточные акварели, не представлявшие художественной ценности. Портрет писателя, сделанный ею карандашом летом 1897 года в Мелихово, можно увидеть в столовой комнате ялтинского Дома-музея Чехова.

Остается лишь сожалеть, что знавшие чеховский характер во всей его полноте художники И.И. Левитан и брат писателя Николай Павлович рано ушли из жизни. Это они первыми запечатлели молодого Чехова, еще не увенчанного лаврами славы. Их профессиональная зоркость и острая наблюдательность позволили им уж тогда разглядеть независимость в его лице. Портрет Чехова кисти Левитана (1885 г.) находится в Третьяковской галерее, а кисти Н.П. Чехова - в Ялте (1880 г.) и в большой гостиной мелиховского Дома-музея Чехова (1884 г.).

Видимо, только им - другу и брату - было бы под силу воспроизвести в живописи одухотворенное, вылепленное мыслью прекрасное лицо зрелого Чехова, несмотря на неуловимость его душевного мира.

Ни один портрет Чехова не стал высшим достижением русского искусства.

Затерялся оригинал карандашного портрета, выполненный художником Н.З. Пановым в 1903 году. Чехов получился грустным и усталым, но пожелал оставить все как есть: «Первое впечатление всегда вернее». «Писать его было очень трудно. Глаза писателя то теплели, то с начинающимся кашлем уходили вдаль. И было очень больно глядеть в эти серьезные печальные глаза, уходящие дальше человеческих наблюдений» (Н.З. Панов).

Рисовала Чехова и художница А.А. Хотяинцева. Но в основном это были шуточные акварели, не представлявшие художественной ценности. Портрет писателя, сделанный ею карандашом летом 1897 года в Мелихово, можно увидеть в столовой комнате ялтинского Дома-музея Чехова.

Остается лишь сожалеть, что знавшие чеховский характер во всей его полноте художники И.И. Левитан и брат писателя Николай Павлович рано ушли из жизни. Это они первыми запечатлели молодого Чехова, еще не увенчанного лаврами славы. Их профессиональная зоркость и острая наблюдательность позволили им уж тогда разглядеть независимость в его лице. Портрет Чехова кисти Левитана (1885 г.) находится в Третьяковской галерее, а кисти Н.П. Чехова - в Ялте (1880 г.) и в большой гостиной мелиховского Дома-музея Чехова (1884 г.).

Видимо, только им - другу и брату - было бы под силу воспроизвести в живописи одухотворенное, вылепленное мыслью прекрасное лицо зрелого Чехова, несмотря на неуловимость его душевного мира.

Ни один портрет Чехова не стал высшим достижением русского искусства.